

II. НЕСОБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО МАЯКОВСКОГО

Весь послереволюционный поэтический путь Маяковского тесно связан с нашей периодической прессой. В 1917 г. сотрудничество в газете «Новая Жизнь», в 1918—1919 гг. не только сотрудничество, но и организация футуристической печати («Газета футуристов»), активное участие в еженедельном органе Отдела изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения («Искусство коммуны»), в 1919—21 гг.—работа в Росте, 1923—25 гг.—редакторство в «Лефе», с 1923—25 гг.—широкий размах работы в толстых и тонких журналах (в «Красной Нови», «Новом Мире», «Молодой Гвардии», «Огоньке», «Прожекторе», «Экране», и пр.) и газетах (в «Правде», «Известиях», «Труде», «Рабочей Москве», «Вечерней Москве», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и многих других), наконец период «Комсомольской Правды» (1927—1928 гг.).

Наряду с центральными органами, в список периодических изданий, в которых сотрудничал в годы революции Маяковский, должен быть включен ряд профсоюзных журналов и газет («Гудок», «Голос текстильщика», «Ленинградский металлист» и т. д.), фабрично-заводских органов («Электрозавод»), кооперативных («Город и деревня») и ряд таких журналов, как «Радиослушатель», «Трезвость и культура», «Женский журнал», «Изобретатель», «За рулем», «Киножурнал», детские — «Пионер» и «Еж», не говоря уже о целом цикле юмористических журналов — «Бузотер», «Бегемот», «Крокодил», «Красный Перец», «Крысодав», «Бов», «Смехач», «Чудак» и т. д.

Именно газета, массовый журнал давали широкий простор творчеству поэта-газетчика. «В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях», — пишет Маяковский в своей автобиографии под рубрикой 1926 г. Таким образом периодическая пресса является одним из основных источников для собрания забытого литературного наследия Маяковского.

Наша задача — дать образ (отнюдь не исчерпывающий) забытого наследия послереволюционного Маяковского; т. е. тех произведений, начиная с 1917 г., которые не вошли в десятитомное собрание сочинений. При этом мы указываем только произведения, напечатанные в московской и ленинградской прессе. Провинциальной прессы, в которой мы находим главным образом перепечатки известных текстов Маяковского, текстов, которые он читал в массовых аудиториях во время многочисленных поездок по Советскому Союзу («Продолжаю прерванную традицию трубадуров и министрелей. Езжу по городам и читаю»), мы в нашем обзоре не касаемся.

Из столичной прессы мы выделяем только наиболее характерные произведения, причем исходим из сравнения с десятитомником. Некоторые произведения, не включенные в собрание сочинений, кроме периодической прессы, помещались в отдельных сборниках, изданных Маяковским еще при жизни, другие вовсе не перепечатывались, и мы в таких случаях имеем один первоначальный текст. За исключением в большинстве случаев рукописей, значение этих текстов особенно увеличивается. Некоторые стихи без всяких изменений вошли в собрание сочинений только под другим названием (см., например, «О развлечениях Европы» — «Огонек» 1924, № 8, напечатанное в т. II под заглавием «Кино-поветрие», «Комсомолец» — «Красная Нива» 1923, № 23 — в т. II под заглавием «Марш комсомольца», «Иди по республике тревожная весть: фронта нет, но опасность есть» — «Рабочая Москва» 1927, № 121 — в т. VI под заглавием «Осторожный марш» и т. д.).

Раньше чем переходить к обзору забытого наследия Маяковского, необходимо поставить вопрос — почему те или иные тексты не попали в собрание сочинений. Надо сказать, что большинство томов было подготовлено к печати самим автором. Что заставило его пропустить ряд своих произведений? Не подлежит никакому сомнению, что большая часть их не попала в собрание сочинений просто по «забывчивости» Маяковского. Немудрено, что поэт, уничтожавший черновики, мог случайно, неумышленно пропустить ряд стихов, разбросанных на страницах многочисленных периодических из-

даний. С другой стороны, могли быть сознательные пропуски: в собрание сочинений не вошли стихи, имевшие чисто местное, рекламное значение (например, обращения к подписчикам журналов), стихи, которые, по мнению автора, могли рассматриваться, как утратившие свою социальную значимость, стихи художественно малоценные, слабые.

Перейдем к характеристике материала, не вошедшего в десяти томник.

В газете «Новая жизнь», где Маяковский печатает в 1917 г. отдельные главы из «Война и Мир», помещает он и свои первые произведения, написанные в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями («Революция», «Отношение к лошадям», «К ответу»). Два первых произведения были в позднейшей печати несколько изменены. «К ответу» же («Новая жизнь» 1917, № 96, 9/22 авг.) не переиздавалось, в то время как в ряду ранних послереволюционных произведений это стихотворение занимает значительное место и в плане откликов Маяковского на империалистическую войну представляет большой интерес. В стихотворении этом, написанном незадолго до Октябрьской революции, уже нет характерных для поэмы «Война и Мир» пафосистских мотивов, протеста против бессмысленного убийства человека, против войны «вообще». В нем указываются цели империалистической войны; встает уже реальный «ответчик» за мировую войну, «кровавую баню» — капиталистический мир; счет предъявляет не просто человечество, а «отдающий жизнь свою им» пролетариат.

К ОТВЕТУ

Гремит и гремит войны барабан.	у мира
Зовет железо в живых втыкать.	не останется неполоманного ребра.
Из каждой страны	И душу вытащат.
за рабом раба	И растопчут там ее
бросают на сталь штыка.	только для того,
За что?	чтоб кто-то
Дрожит земля	к рукам прибрал
голодна	Месопотамию.
раздета.	Во имя чего
Выпарили человечество кровавой баней	сапог
только для того,	землю растаптывает скрипящ и груб?
чтобы кто-то,	Кто над небом боев?
где-то	Свобода.
разжился Албанией.	Бог.
Сцепилась злость человеческих свор	Рубль.
падает на мир за ударом удар	Когда же встанешь во весь свой рост,
только для того,	ты,
чтоб бесплатно	отдающий жизнь свою им.
Босфор	Когда же в лицо им бросишь вопрос
проходили чьи-то суда.	За что воюем?
Скоро	

Первые годы после Октябрьской революции всецело проходят для Маяковского под знаком «утверждения революционного искусства», под знаком борьбы за искусство, отданное на службу революции.

Любопытен, как иллюстрация позиций Маяковского — футуриста этих лет, не попавший в собрание сочинений материал из «Газеты футуристов», выпущенной в 1918 г. (вышел один номер) Маяковским, Бурлюком и Каменским. В написанном этими тремя авторами «Декрете о демократизации искусства», «Манифесте летучей федерации футуристов», футуристы, именующие себя «пролетариями искусства», зовут «пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции Духа». Они призывают художников и писателей «немедля взять горшки с красками и кистями своего мастерства и иллюминировать, разрисовывать все бока, лбы и груди городов, вокзалов и вечно-бегущих стай железнодорожных вагонов».

Там же Маяковский пишет «Открытое письмо рабочим» — призыв к «здоровому, молодому, грубому» искусству футуристов, к разрушению искусства старого мира. «С удивлением смотрю как с подмостков взятых театров звучат «Аиды» и «Травиаты» со всякими испанцами и графами, как в стихах, приемлемых вами, те же розы барских оранжерей и как разбегаются глаза ваши перед картинами, изображающими великое прошлое... Знайте, нашим шеям голиафов труда нет подходящих номеров в гардеробе воротничков буржуазии. Только взрыв революции Духа очистит нас от ветоши старого искусства».

Все эти декларации — как бы теоретическая предпосылка к ряду произведений Маяковского 1918—1921 гг.: «Мистерия-буфф» (где в прологе перефразируются основные положения «Письма» и которая сама является первым «революционным действием», пришедшим на смену «ветоши старого театра», «Приказ по армии искусств», «Мы», «Поэт и рабочий», «Той стороне» и др.— все это художественное развитие и реализация тех же деклараций.

Совершенно особый интерес в художественном наследии Маяковского первых революционных лет представляют собой материалы «Росты». Часть их, то, что подготовлено было к печати самим Маяковским, опубликовано в сборнике «Грозный смех» (ГИХЛ, 1932), многое же остается еще достоянием архива. Между тем работа Маяковского в «Окнах Росты» — значительный этап в творчестве Маяковского. Именно Росты были началом пути Маяковского — газетчика и агитатора. На практической ростинской работе он столкнулся с необходимостью обрабатывать конкретные факты, переводить язык политических фактов, официальных сообщений в экспрессиивно-плакатные художественные образы. Эта работа была началом его злободневно-политической сатиры, занимающей центральное место в творчестве послереволюционного Маяковского. И не случайно второй вариант «Мистерии-буфф», написанный в 1921 году, потерпел значительные изменения именно по линии большей его агитационной заостренности и конкретизации фактов.

1921 год можно считать началом широкой деятельности Маяковского, как газетчика и журналиста. На 1922—1924 гг. падает наибольшее количество затерянных в периодической прессе произведений поэта. В отборе стихов Маяковского для собрания сочинений, очевидно, играла роль нередко, как мы уже говорили, критическая переоценка написанного ранее. Однако поставить точные грани между тем, что было забыто и что отвергнуто автором, как менее удачное, на основании имеющегося материала очень трудно. Не углубляя этого вопроса, переходим к дальнейшей характеристике забытого наследия, располагая его по темам, но вместе с тем придерживаясь по мере возможности, как и раньше, хронологического принципа.

С 1921 г. Маяковский начинает сотрудничать в «Известиях», принимает деятельное участие в создании массового юмористического журнала «Бов» (боевой орган весельчаков), где для первого (и единственного) номера рисует обложку; пишет ряд стихов и, наконец, иллюстрирует «Сказку для шахтера». В ряде вновь начинающих выходить журналов Маяковский помещает также рекламные, агитирующие за подписку стихотворения, например, для «Крокодила» — «Нате — басня о Крокодиле и подписной плате» («Крокодил» 1922, № 4), для «Крысодава» — «Мы» («Крысодав» 1923, № 4- и т. д. Некоторые из этих стихотворений отнюдь не носят узко-рекламного характера. Стихотворение «Мы» является по существу одной из многочисленных сатир Маяковского, направленных против внутреннего классового врага. Призыв к борьбе с этим притаившимся врагом, «армией крысячьей» Маяковский использует для рекламной концовки, раскрывающей цели журнала.

МЫ

Днем
благоденствуют дома и домишки:
ни таракана
ни мышки.

Товарищ —
на этом не успокаивайся очень —
погоди ночи.
При лампе — ничего.

А потушить ее
из-за печек,
из-под водопровода,
вылазит тараканье
всевозможного рода.
черные,
желтые,
русые,
усатые,
безусые.
Пустяк, что много.
Полезут они
и в рассыпную —
только кипятком шпарни.
Но вот (задремлете лишь)
лезет
из щелок
разная мышь.
Нам
мышь не страшна.
Пусть себе
в ожидании красной кошки

ест
понемногу
нэпские крошки.
Наконец,
когда все еще храпов свищет,
из нор
выползают ручные крысищи.
Сахар попался —
сахар в рот.
Хлеб по дороге —
хлебище жрет.
С этим
не будь чересчур кроткий.
Щеки выгрызут,
вопьются в глотки.
Чтоб на нас
не лезли, как на окорок висячий,
волю зубам крысячьим, дав,
для борьбы с армией крысячьей
учреждаем

Крысодав.

Довольно обширен цикл неперепечатанных стихотворений-откликов на первомайскую тему. Большинство из них — это приветственные гимны коллективу, труду, борьбе, написанные в форме боевого призыва, победного марша. Вот одно из них, типичное для этого цикла — «1-ое мая» («Красная Нива» 1923 г., № 17):

ПЕРВОЕ МАЯ

Свети!
Во всю небес солнцезлазье!
Долой —
толпу облаков белоручек!
Радуйтесь звезды, на митинг вылазая.
Рассейтесь буржуями, тучные тучи!
Особенно люди.
Рабочий особенно.
Вылазй!
Сюда из теми подвальной!
Что стал?
Чего глядишь исподлобленно?
Иди!
Подходи!
Вливайся!
Подваливай!
Манометры мозга!
Сегодня меряйте!
Сегодня —
считайте сердечные счетчики,—
развертывается-ль восточный ветер?!
Вбирает ли смерч рабочих точки?!
Иди, прокопченный!
Иди, просмоленный!

Иди!
Чего стоишь одинок?!
Сегодня
150 000 000 —
шагнули
300 000 000 ног
Пой!
Шагай!
Границы провалятся!
Лавой распетой
на старое ляг!
1 500 000 000 пальцев!
Крепче,
выше маковый флаг!
Пенья вспень!
Расцепи цепененье!
Смотри —
отсюда —
Видишь,
тут,
12 000 000 000 сердцебиений —
с вами,
за вас,
в любой из минут.

С нами!
 Сюда!
 Кругосветная масса
 Эс-эс-эс-эр-ручища —
 вот вам!

Вечным
 единым маем размайся —
 1-го Мая,
 2-го
 и 100-го.

В 1925 г. Маяковский пишет в «Рабочей Москве» (№ 98) другой «Май» — это новый, советский май, который дается в контрастном сопоставлении со старым первым мая.

МАЙ

Помню
 старое
 1-ое мая.
 Крался тайком
 за последние дома я.
 Косил глаза:
 где жандарм
 где казак?
 Рабочий
 в кепке
 в руке — перо
 Сходились —
 и дальше буркнув пароль.
 За Сокольниковыми
 ворами, —
 шайкой,
 Таились самой
 глухой лужайкой.
 Спешили
 надежных
 в дозор запретч.
 Отмахивали
 наскоро
 негромкую речь.
 Рванув
 из-за пазухи
 красное знамя,
 шли
 и горсточкой
 блузы за нами.
 Хрустнул
 куст
 под ломажьей ногою.

— В тюрьму!
 Под шашки!
 Сквозь свист нагаек! —
 Но нас
 безнадежность
 не жала тоскою:
 Мы знали —
 за нами
 мир заводской.
 Мы знали —
 пресует
 минута эта —
 Трудящихся
 нищих
 целого света.
 И знал
 знаменосец
 под шашкой осев,
 Что его кровь —
 самый
 вернейший посев
 Настанет —
 пришедших
 не счесть поименно, —
 Миллионами
 красные
 встанут знамена!
 И выйдут
 в атаку
 веков и эр
 Несметные силища
 Эс Эс Эс Эр.

Из серии первомайских следует также отметить стихотворение «Два мая» («Вечерняя Москва» 1915, № 97), разоблачающее буржуазный мир и призывающее к борьбе с ним. Это стихотворение во многом перекликается с дореволюционным творчеством Маяковского, с «Мистерией-буфф» и «150 000 000», как по характеру разоблачения буржуазии («Их бог, как и раньше, жрѣн с лица»), так и по изображению утопической картины будущего.

Среди других неперезданных стихотворений заслуживает внимания написанное в форме призыва к боевой готовности стихотворение на тему обороны Союза — «Наказ» («Красный журнал для всех» 1923, № 7—8):

НАКАЗ

Хоть пока
победила
рабочая рать,
Хоть пока
на границах
мир,
Но не время
еще
в землю штык втыкать —
Красных армий
ряды
крепи.
Чтоб не смел
никогда
никакой Керзон
Брать на пушку
горляня ноты —
Даже
землю паша,
помни,
сабельный звон,
Помни
марш
атакующей роты.
Молодцом
на коня
боевого
влазь!
По земле
пехотинься пеший-
С неба
землю всю
глазами оглазь,
На железного
коршуна
севши.

Мир пока,
Но на страже
красных голов
Стой
на нашей красной вышке!
Будь смел!
Будь уemel!
Будь всегда готов
Первым
ринуться
в первой вспышке.
Нынче
сына
даем
не царям на зарез.
За себя
этот боище
начат.
Провожай
рекрутов,
молодец,
Провожай
поя,
а не плача.
Чтоб буржуи
вновь
не взнуздали нас.
Крестьянин,
рабочий,
всякий,
Провожая
сынов
давайте наказ:
Будьте
верными
красной присяге.

Следующая группа забытых стихотворений 1923—24 гг. объединена темой международной политики. Сюда относятся, главным образом, произведения общедекларативного характера, как например, «Коминтерн» («Известия» 1923, № 36), о Лиге наций—«Телеграмма м-е Пуанкаре», признание Советского Союза капиталистическими странами—«Дипломатическое» («Красная Нива» 1924, № 8), «Здравствуйте» («Известия» 1924, № 32).

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Украстье цветами!
Во флаги здания!
Снимите кепку,
картуз
и шляпу!
Британский лев
в любовном признании
Нам
протянул
когтистую лапу.

И просто знать,
и рабочая знать
Годы гадала—
«признать — не признать?»
На слом сомненья!
Раздоры на слом!
С, гляди!
Послом
Отреди!

Но русский	Зачем...
в ус усмехнулся капризно:	почему...
«Чего, мол, особенного—	и как...
признан так признан!»	и кто вот...
Мы славим	признанье
рабочей партии братию,	— теперь! —
Но не смиренных рабочих Георга.	— осмеет в колебании.
Крепи, РКП, рабочую партию,—	Когда такой у Советов довод,
и так запризнают,	Как зрелые хлебом страницы Кубани!
Что любо — дорого.	А, как известно,
Ясна	в хорошем питании
для нас	Нуждаются
дипломатия лисьина.	даже лорды Британии.
Чье королевство	И руку пожем,
к признанью не склонится?!	и обнимемся с нею.
Признание это	Но мы
давно подписано	себе
Копытом	наматаем на ус
лятящей	За фрактом лордов
буденновской конницы.	впервые синеют
Конечно, признание дело гуманное.	20 000 000 рабочих блуз.
Но кто ж о признании не озаботится?	Не полу-рабочему, полу-лорду
Народ	слава признанья.
не накормишь небесною манною.	Возносим славу —
А тут	Красной деревне,
такая	Красному городу
на грех	Красноармейцев железнору сплаву!
безработица.	

К этим же годам относится ряд перепечатанных впоследствии стихотворений, связанных с теми или иными вопросами быта. Тут и тема беспризорности — стихотворение «Беспризорные» («Красный перец» 1924, № 29), закалчивающееся мечтой о будущем «рае» на земле, куда в первую очередь впустят «беспризорных всех», и тема метрополитена — стихи-чапушки — «Немножко утопии про то, как пойдет метрошка» («Красный перец» 1925, № 21). Среди злободневно-бытовых стихотворений обращает на себя внимание стихотворение «После изъятия» («Красный журнал для всех» 1922, № 1). Неострое по своей антирелигиозной сатире, оно типично для Маяковского по своему характеру разоблачительно-«фамильярного» разговора с богом.

К этому же периоду относится большое стихотворение «Газетный день» («Журналист» 1923, № 5). В данном случае можно предположить, что Маяковский сознательно не включил это произведение в собрание сочинений. Пред нами поверхностная сатира на журналиста-профессионала, буффонадно-сатирическое изображение дня редактора газеты, злословие по адресу начинающих писателей, вложенная в уста рабочего обывательская трактовка газетной работы.

Дальнейшие перепечатанные стихи мы находим, главным образом, в 1927—29 гг. Характерно, что социально наиболее значимые произведения этих лет (например, поэтическая продукция в «Комсомольской Правде») почти целиком была учтена Маяковским при подготовке собрания сочинений. За бортом остались мелкие стихотворения, трактующие социально-политические факты действительности в узко-злободневном плане. Это агитки, несущие на себе в большинстве случаев еще заметный груз неизжитых еще левовских традиций, стихи, где огромной важности политические темы даются поверхностно, в плане лозунговых призывов. Сюда входят стихи к неделе обороны «Мускул свой, дыханье и тело тренируй с пользой для военного дела» («Рабочая Москва» 1927, № 160), агитки за займы — «Лезьте в глаза, влетайте в уши слова

этих лозунгов и частушек» («Рабочая Газета» 1927, № 58), «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь» («Известия» 1927, № 57) и др.

К социально более действенным и значительным агиткам этих лет надо отнести агитки, посвященные всесоюзной спартакиаде (в «Вечерней Москве» 1928, № 190) — «Это те же», стихи для журнала «Изобретатель» — «Анчар» (1929, № 10); агитки за хлебозаготовки — «Даешь хлеб» («Комсомольская Правда» 1928, № 9), агитки за Автодор — «Даешь автомобиль» («Рабочая Москва» 1928, № 217) и т. д.

Особо следует отметить прозу Маяковского. Среди немногочисленной художественной прозы Маяковского большого внимания заслуживают два очерка в «Известиях» 1922 г. (№ 292 и № 294) «Парижские записки Людогуса» и «Осенний салон». В первом существо с «возвышенной» шеей, которое видит дальше всех, описывает с точки зрения попавшего после войны и революции на Запад советского человека быт и культурную жизнь Парижа. Во втором — описание одной из парижских выставок современных французских художников. Тема «изживающей себя буржуазной культуры Запада» является для обоих очерков ведущей. Для новой культуры нужна «октябрьская метла» — основной тезис всех высказываний Маяковского. Отдельные критические замечания Маяковского (о кубизме, конструктивизме и т. д.) представляют большой интерес для выяснения отношения Маяковского к этим вопросам в те годы. В переработанном виде Маяковский предполагал выпустить эти два очерка отдельным изданием под названием «Смотр французского искусства 1922 г.»; впервые в новой редакции эти очерки появились в книге «Владимир Маяковский» (Изогиз, 1932 г.).

Забытыми остались из прозы позднейших лет две статьи Маяковского — «Наружность Варшавы» («Рабочая Газета» 1927, № 141) и «Немного о чехе» («Рабочая Москва» 1927, № 127) — впечатления от поездки в Польшу и Чехию. Обе эти статьи по своему характеру и манере близки, главным образом, к напечатанной статье «Поверх Варшавы» (1927 г.).

Из прозаического наследия следует также отметить напечатанный только в «Красной Нови» (1922, № 2) некролог «В. В. Хлебников», дающий ценный материал как для понимания Хлебникова, так и для самого Маяковского.

Мы коснулись далеко не всех произведений Маяковского, не вошедших в собрание его сочинений. Перечень их можно было бы во много раз умножить. Наша цель была остановиться на наиболее характерных и типичных из забытого наследия пореволюционного Маяковского.

Л. Поляк и Н. Реформатская